

**КИТАЙЦЫ В ПРИМОРЬЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)**

В начале 60-х гг. XIX в., к моменту официального включения региона в состав Российской империи, в Приморской области проживали около 35, 1 тыс. человек (1). В связи с этим формирование постоянного контингента населения осуществлялось за счет постоянного притока мигрантов. Помимо колонизационного потока, состоявшего из подданных Российской империи, во второй половине XIX в. на эту территорию устремились группы выходцев из Восточной Азии. Приходя на новую территорию, каждая этническая группа реализовывала свою адаптационно-деятельностную модель, выработанную в ходе многовекового исторического развития. В рамках данной статьи делается попытка рассмотрения некоторых аспектов процесса социальной адаптации китайских мигрантов на русском Дальнем Востоке в юнзе XIX – начале XX в.

Целесообразно дать краткую характеристику этой категории населения.

Массовая эмиграция из Китая началась после опиумных войн, и к 1911 г. число китайцев, постоянно проживавших за границей (в США, России, странах Юго-Восточной Азии), превысило 9 млн. человек. Можно отметить устойчивый ареал выезда мигрантов: так, если в США ехали, как правило, выходцы из двух провинций – Гуандуна и Фуцзяня (2), то поставщиком мигрантов для Приморья в основном были провинции Шаньдун, Шаньси и Чжэньцзи.

Вопрос о численности китайцев, проживавших в Приморье на момент подписания Пекинского договора, остается одним из наиболее сложных для изучения, тем более что современные китайские исследователи продолжают рассматривать этот период русско-китайских отношений в терминологии территориальных захватов (3).

Примерную численность китайцев в Уссурийском крае в начальный период освоения можно оценить в пределах от 2 до 5 тысяч человек (4). Принимая во внимание огромные размеры края, цифра, безусловно, невелика. С развитием русской жизни на Дальнем Востоке численность китайских мигрантов увеличивается. Согласно отчетам Приморских военных губернаторов в разные годы последнего десятилетия XIX – начала XX в. китайское население составляло от 5 до 14 % всего населения в области.

Таблица 1 отражает динамику изменения численности китайцев в Приморской области в 1890–1913 гг.

**Динамика изменения численности населения в Приморской области
(1884 - 1914 гг.)**

Год	Русские	Иностранцы	Китайцы	Корейцы	Японцы	Европейцы	Всего
1884	35000	11700	8000	6800*			61500
1890	46179	17105	6215	13480	419	143	83541
1891	49874	37385	7648	15050	451	129	110537
1892	81674	36227	8508	16457	617	257	143740
1893	87213	35912	8275	15219	684	244	147547
1894	91164	35800	9371	14451	1191	243	152220
1895	98440	35261	10663	17869	1665	168	164066
1896	114338	51308	13781	5196	1952	194	186769
1897	128946	44705	29284	23279	2030	580	228824
1898	137872	43100	33809	25655	2168	536	243140
1899	163960	41935	38655	27700	2133	607	274980***
1900	171176	21803	31448	46383	2282	697	273789
1906	230720	34286	47390	34406	2953	5660	355415
1911	382121	15108	57447	57289	3476	1938	517279
1913	449393	14149	52239	57440	3569	1224	578014
1914	330387	24134	Иностранцы-48470		401991**		

Примечания. Таблица составлена на основании источников: Обзоры Приморской области за 1890-1913 гг. Владивосток, 1891-1915; РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.21. Л.2; Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. II Приамурье. Петроград, 1917. С.14.

* По последним сведениям эта цифра должна быть изменена на 7200 (РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 21, л. 2)

** Правильный результат – 402991.

*** При сложении должно быть 274990.

Основные причины иммиграции китайцев лежали в экономической сфере. Земельный голод, отсутствие промышленности, способной принять излишек населения, вынуждали людей покинуть родину.

Однако такой уход был сопряжен с определенными психологическими трудностями: ханьский крестьянин, как правило, воспитанный в традициях высокой культуры земледелия с ухоженным полем и сравнительно высокой урожайностью, не всегда стремился в колонизуемые районы с землей менее плодородной, неокультуренной и сулящей более низкий урожай, нежели в собственно китайских провинциях. Русский Дальний Восток и пограничные с ним районы Маньчжурии считались тогда малопригодными для земледелия. Уход в такую «дикую» местность оз-

начал для китайского крестьянина падение на несколько порядков вниз. Кроме того, культ предков не позволял ему легко бросить их могилы, родню, соседей. Трудно было ему как конфуцианцу порвать с традиционной культурной и общинной средой, ему в какой-то мере нужен был «свой» шеньши, «свой» староста, сельская кумирня и остальная деревенская обстановка. Уход в неханьские районы нацменьшинств, т.е. варваров, означал для ханьца-ксенофоба «падение до их уровня, отрыв от более высокой цивилизации, т.е. той историко-культурной среды, вне которой конфуцианец мыслил себя с трудом» (5).

Традиционно считается, что первые китайские поселенцы в Южно-Уссурийском крае относились к маргинальным группам населения: беглые преступники, находившие здесь убежище от преследования властей, и те, кто не хотел «подчиняться законам Империи и желал жить в полнейшей свободе, на воле» (6). Л. Шренк отмечал, что желающие приобрести новую родину шли на Сунгари, а в Уссурийский край стекался «худший элемент – люди, не знавшие семейного очага, бедные работники и поденщики, особенно же всякого рода негодяи, подозрительные личности, преступники, беглые и тому подобный сброд» (7). С развитием экономической жизни на русском Дальнем Востоке эта территория становится привлекательной для значительного количества китайских мигрантов – крестьян, ремесленников, стремившихся в Россию на заработки.

В китайском миграционном потоке выделяются две группы: 1) китайцы, проживавшие на территории Приморской области до заключения Пекинского договора; 2) временные мигранты. Вторая категория представлена двумя составляющими, которые можно условно обозначить как краткосрочных (сезонных) и долгосрочных (проживавших в течение нескольких лет) мигрантов. Нам представляется корректным говорить о китайском миграционном, а не колонизационном, потоке, так как большинство, его составлявшее, не связывало с этой территорией долговременных перспективных планов, рассматривая Приморье как место временного обитания, где возможно обогащение в сравнительно короткие сроки. Однако на ранних этапах (на момент подписания Пекинского договора) в китайском миграционном потоке встречались отдельные элементы, чье самосознание близко к самосознанию колонистов, а не временных мигрантов. Тем не менее в основной массе мы имеем дело с миграционным потоком маэтинникового типа, для которого характерны сезонные миграции. В ряде случаев наблюдалось увеличение временного интервала пребывания в России до нескольких лет, реже – десятков лет.

В качестве рабочей гипотезы можно предположить существование двух основных стратегий адаптации у китайцев на территории российского Дальнего Востока.

Первый вариант связан с формированием замкнутой, самоуправляющейся общины, существование которой затрудняло процесс аккультурации на индивидуальном уровне и оберегало этническую идентичность китайцев от трансформации. Можно предположить, что подобный тип самоорганизации является универсальной чертой процесса социальной адаптации китайских мигрантов. Так, в Юго-Восточной Азии китайские иммигранты для защиты своих интересов еще в XVIII в. стали создавать легальные объединения по диалектному и земляческому принципу («гун-сы»). Каждое из них действовало на определенной территории, осуществляя частично юрисдикцию над своими членами путем разбора уголовных и гражданских дел и представляя на этой территории интересы китайских иммигрантов перед местной властью.

Подобные формы самоорганизации появляются и на территории русского Приамурья, но уже в XIX и XX вв.

Одно из наиболее ранних свидетельств о существовании подобных общин в Приморье принадлежит Палладию. Основываясь на сведениях, собранных среди китайцев, Палладий сообщал, что до 1868 г. «маньчзы по исконному навыку китайцев к порядку и для успешного производства разделялись на правильно организованные промышленные партии: «ва цзинь ди» (золотопромышленников), «ва шень ди» (искателей женьшеня)». Во главе партии стоял старшина (да-е), он обычно избирался из уважаемых людей и имел помощников (эрр-е и сан-е). Старшина обладал правом решать распри, наказывать виновных своей партии не только палочными ударами, но и смертной казнью. В его функции входил справедливый дележ всего добытого на промысле. Да-е должен был обеспечить в случае необходимости уход за больными и принять меры по обеспечению семей тех членов партии, которые попадали в руки правосудия к маньчжурам и были казнены или сосланы. Помимо административно-судебных, за старшиной закреплялись и хозяйственные обязанности по устройству ферм, складов, перевозки результатов промысла (8). О существовании самоуправления у китайских земледельцев упоминает начальник поста Владивосток Е. С. Бурачек, в беседе с китайцами выяснивший, что окрестные жители подведомственны избранному ими старшине (тайе) и его 4 помощникам, жившим на р. Цимухэ. По свидетельству собеседников Е. С. Бурачка, старшина обладал абсолютной властью – «его распоряжения мы подчиняемся совершенно». В свою очередь старшина «заботился о них», «дурных наказывал по суду с помощниками» (9).

Подобная самоорганизация китайских земледельцев, промысловиков, регулируемая китайским обычным правом, в Уссурийском крае сохранялась вплоть до начала XX в. (10), однако она так и осталась официально не признанной Российским государством, вплоть до своего исчезновения.

Китайские законы и правила, как отмечали члены комиссии, командированные в Амурскую область для изучения желтого вопроса в 1914 г., «частью вытекали из конфуцианской морали и учения классиков, частью же из практических условий, нужд и стремлений поселенцев» (11).

Первый шаг по легализации форм общественного самоуправления китайских городских общин на основе русского законодательства был сделан 15 февраля 1891 г. с опубликованием особых правил об общественном управлении китайского и корейского населения. Китайским общинам в Хабаровске, Владивостоке, Никольском предоставлялась возможность проведения официальных сходов и выбора старшин. Избранные сходом старшины имели право за маловажные проступки, совершенные китайцами, назначать виновников на общественные работы (до 3 дней), взимать с них денежные штрафы в пользу общества (до 3 руб.), брать под арест (не более 2 дней) (п. 18). Для разбора более сложных дел военным губернатором учреждался общественный суд, состоявший из выборных судей. Суд уполномочивался рассматривать маловажные проступки членов общества. Китайские общественные управления просуществовали более шести лет. С введением в Приамурье судебных установлений в 1897 г. принято решение о их упразднении. В Хабаровске китайское общество официально было закрыто 1 января 1898 г., но продолжало существовать тайно, управляясь своими старшинами (12). Во Владивостоке его закрыли 1 июля 1898 г. Дольше всего общество просуществовало в селе Никольском - до 1901 г. Несмотря на официальное закрытие обществ, как свидетельствуют архивные документы, они продолжали существовать нелегально.

Вторичная легализация китайских органов самоуправления в городах Приморской области произошла в 1907 г. под маркой китайских торговых обществ. Первое китайское торговое общество («Владивостокское китайское общество взаимного вспомоществования») в Приамурье было разрешено 18 апреля 1907 г. Цель создания общества определена пунктом 1 Устава: «развитие более тесного взаимного единения между членами общества, способствующего улучшению их быта в материальном и духовном отношении» (13).

По сведениям цензора по иностранной печати на восточных языках во Владивостоке А.Н. Занковского, подобные общества существовали «в каждом городе и селе края» (14). Для координации деятельности таких обществ в Китае существовал орган, объединявший все местные торговые общества и известный под названием «Соединенное Общество» (Лянь-хо-хуй), куда периодически командировались депутаты от региональных «Главных торговых обществ» (15). Китайские торговые общества, инициатором создания которых стала китайская буржуазия, как ле-

гализованные (Владивосток, Хабаровск, Никольск-Уссурийский), так и существовавшие неофициально, являлись органами, имевшими по отношению к проживавшим здесь китайцам административно-управленческие и судебные функции.

Таким образом, четко просматривается тенденция создания китайскими мигрантами в условиях инокультурной среды замкнутых самоуправляющихся сообществ, руководству которых делегировались функции сотрудничества с государственной властью. Несмотря на определенные усилия русской администрации в течение многих лет, не удалось наладить эффективную систему контроля и управления китайцами, внутренний мир жизни их дальневосточной общины оставался замкнутым и закрытым.

Нам представляется, что неизменным атрибутом механизма адаптации китайской этнической группы является воспроизведение на новой территории четко структурированной эмиграционной общины. Остановимся подробнее на ее специфике. Исследователь китайской эмиграции С. Р. Лайнгер выделяет в качестве наиболее типичных черт китайской общины следующие характеристики: замкнутость, изолированность, иерархический характер с четко установленной системой координации и субординации, прочность семейно-родственных уз, предпочтение, отдаваемое родству по крови перед родством по браку, материальная поддержка членов общины, осуществляемое общиной над своими членами право гражданского и уголовного суда, контроль за соблюдением многочисленных традиций и ритуальных культов, организация и проведение всевозможных празднеств и торжеств (16). Кроме того, типичными для китайской эмигрантской общины являлись эндогамность и дисбаланс половой структуры. В подтверждение этого тезиса, можно отметить, что в Приморье абсолютное большинство китайских мигрантов составляли мужчины, проживавшие без семей. Именно поэтому во многих китайских кумирнях в Приморье отсутствовали очень популярные в старом Китае духовные покровители, так или иначе связанные с семьей, - Гуань Инь, Чжан-сянь, приносящий сыновей, сонм богинь нян няня, бог домашнего очага Цзао-ван.

В качестве характерной психологической доминанты можно выделить ощущение временности эмиграции наряду с осознанием тесной и живой связи со своими родовыми общинами. Не менее важно и то, что не только человек считал себя членом клана или общины, но и на родине его считали полноправным членом «материнской» общины. Причем это «заочное» членство передавалось потомкам эмигранта мужского пола. Благодаря этому, по мнению Лайнгера, китайские эмигрантские общины в разных частях мира можно рассматривать как дочерние общины (суб-

общины) по отношению к подобным структурам, существовавшим в Китае (17). Именно такое двойное членство укрепляло связь эмигрантских общин с теми, кто находился в Китае, и препятствовало ассимиляционным процессам.

Другой важной характеристикой китайцев-эмигрантов являлся их этноцентризм, остававшийся актуальным и в начале XX вв. Особенность китайского этноцентризма заключается не просто в признании собственного превосходства, но и в качественном отличии китайцев (цивилизованного народа) от варваров. Восприятие европейцев как варваров закрепились в годы правления Юнчжэн (1723 - 1735), тогда же европейские государства наряду с восточноазиатскими стали рассматриваться как «территории, занятые варварами» (18). По свидетельству китайского исследователя Лю Цзэнхэ, различия между европейской и китайской культурами и ошибочные представления китайцев о западной культуре заставили их смотреть на европейцев как на «варваров», не отличавшихся от животных, поскольку европейцы, в противоположность конфуцианским нормам, чтитли свою религию и своих религиозных пастырей выше своих родителей» (19). Однако, по мнению того же исследователя, в середине XIX в. началась трансформация образа европейца, что выразилось в переходе от представления о международных отношениях Китая как о «ведении дел с варварами» (иу) к представлению о ведении дел с иностранцами (яньу).

В связи с этим интересна трансформация образа русских, получивших после первых контактов в Приамурье в середине XVII в. наименование «лоча», что является транслитерацией санскритского слова «ракшас» - «демоны, преследующие людей» (20). Такое наименование объясняется традицией, в соответствии с которой всем «варварам четырех сторон света» присваивались какие-либо уничижительные названия. Американская исследовательница Найлин Ж. Чжоу полагает, что вплоть до середины XIX в. среди китайцев сохранялся взгляд на русских как на «хужэней» - варваров из вассального владения, и только после опиумных войн стали воспринимать русских в Китае как янжэней (заморских варваров), т. е. как европейцев (21). Об этом свидетельствует и китайское донесение о появлении в верховьях р. Иман экспедиции Арсеньева, в котором по отношению к членам русской экспедиции употреблен термин «янжэнь» (22).

Коллежский ассессор Грушецкий, давая анализ положению китайцев в Приамурье (1898), отмечал: «мы в ее глазах (китайской массы. - Е.Н.) такие же западные варвары, как и другие иностранцы и инородцы, такое отношение китайцев ко всему некитайскому воспитано веками и очень глубоко усвоено ими» (23).

Заметим, что ситуация этнокультурного взаимодействия усугубля-

лась еще и тем, что взаимодействовали не просто группы, принадлежавшие к разным этносам, а группы, имевшие разные цивилизационные истоки. Китайцы - выходцы из страны, где мировоззрение в течение многих веков формировалось под влиянием конфуцианской доктрины с ее собственными уникальными представлениями о должном устройстве общества. В основе этических представлений лежало учение о «благородном муже» (цзюнь-цзы), обладающем главными добродетелями: человеколюбием (жэнь), сыновней почитательностью (сяо), чувством долга (и), знающего нормы поведения и правила (ли), имеющего знания (чжи).

Разумеется, что поселившиеся на территории Приамурья китайцы не принадлежали к слою интеллектуальной элиты, в совершенстве разбиравшейся в тонкостях и нюансах учения Конфуция. Однако нам представляется, что эти представления и нормы вошли в плоть и кровь китайца на уровне обыденного сознания и права.

Такой взгляд на остальной мир обусловил потребность воспроизводства в рамках китайской эмигрантской общины уклада жизни, обеспечивавшего эмигрантам максимальный психологический комфорт - сохранялся родной язык, в том числе и диалекты, кухня, традиционные праздники и ритуалы, национальный костюм и т.д. Исследователи практически единодушны в том, что китайские кварталы во всем мире являются Китаем в миниатюре. Таким образом, неотъемлемым атрибутом адаптации китайцев на новой территории является создание замкнутой, недоступной «чужому» общины, что затрудняло процесс аккультурации на групповом уровне.

Переход на микроуровень демонстрирует нам, кроме воссоздания традиционных институтов, наличие иной стратегии адаптации – попытку вхождения в состав российского общества через принятие подданства Российской империи. При этом необходимо отметить, что, если сравнить количество прошений с численностью китайцев, находившихся на территории Приамурья, то становится очевидным, что мы рассматриваем не правило, а скорее исключение из него.

Согласно выявленным в архивах документам, наиболее раннее прошение о принятии в русское подданство относится к 1878 г. и принадлежит маньчжурю Фулэ Куану, в крещении Николаю Попову.

На сегодняшний день проанализированы 87 текстов прошений (24) о принятии в подданство Российской империи китайских подданных в период до 1900 г., и 83 заявления (25) периода с 1913 по 1916 г., адресованных приамурскому генерал-губернатору, военным губернаторам Приморской и Амурской областей. Безусловно, эта цифра и в первом и во втором случае может быть скорректирована в сторону увеличения.

Анализ текстов прошений дает возможность установить социаль-

ное положение и возраст просителей. В XIX в. большинство просителей находились в возрастном интервале от 25 до 35 лет (60%), в 45 прошениях была указана профессиональная принадлежность заявителей, из них 22% - торговцы, 20% - чернорабочие, по 13% занятых на приисках и в строительстве, остальную часть составляла прислуга, крестьяне, подрядчики и пр. В анкетах, относящихся к XX в., из указавших возраст на лиц от 25 до 35 лет приходилось 49%, до 25 лет – 28%.

Кроме того, представляется возможным установить временной интервал периода адаптации китайцев, принявших решение о смене подданства. Так, для первого периода складывается следующая картина: 30% подали прошения в течение первых 5 лет с момента прихода в Россию, 7% - в период от 5 до 10 лет пребывания в России, 45% - от 10 до 20 лет. В XX в. подали прошения в течение первых 5 лет с момента прихода в Россию - 8%, 31% - в период от 5 до 10 лет пребывания в России, у 56% на это ушло от 10 до 20 лет.

Ситуация смены подданства была обоюдно сложной: сложной для китайцев, так как это зачастую означало полный разрыв с родиной и семьей, сложной и для русских властей, не уверенных в том, что китайцы – полезный колонизационный элемент. На прошениях нередки резолюции: «Жариков [крещеный китаец. – Е.Н.] поведения одобрительного, ни в чем предосудительном замечен не был и под следствием и судом не состоял и не состоит. (...) имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что я принципиально не согласен на прием в русское подданство китайцев» (26). Для русских властей принятие подданства китайцами становилось возможным в том случае, если была надежда на скорую ассимиляцию, растворение инородного элемента в русской среде. В 1898 г. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков писал министру внутренних дел: «ходатайствам сих иностранцев (китайцев) давалось соответствующее направление лишь при условии принятия ими православной веры, вступлении в законный брак с русскими и вообще при полном убеждении в их способности воспринять начала русской гражданственности и слиться с русским населением края» (27). Интересно, что эти же причины принятия русского подданства называют и сами просители. Однако следует иметь в виду, что тексты прошений – это не аутентичные тексты: они не были написаны их авторами, иногда сомнительно, что они были дословно продиктованы, зачастую проситель не мог даже прочитать текст своего прошения, большинство прошений подписаны по-китайски, по-маньчжурски, либо подписаны кем-то из русских, по неграмотности просителя. Однако есть основания полагать, что ведущий мотив, та причина, по которой было решено принять подданство, все же отмечалась в тексте.

Наиболее часто встречаются следующие мотивы принятия русского подданства - обращение в православие, женитьба на российской подданной, утрата связи с родиной, в прошениях второго периода чаще открыто называется экономическая необходимость. Принятие русского подданства освобождало от необходимости получения ежегодных билетов на право проживания в Приамурье, расширяло экономические возможности бывших иностранцев, что стало особенно актуально с занятием поста приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти.

Переход в православие в качестве причины, побудившей принять русское подданство, встречается наиболее часто. Причем, если в XX в. на эту причину указывали как на нейтральную, то в XIX в. зачастую открыто писали о том, что после этого события их на родине ждут преследования, и жизнь в прежней семье станет невозможной. Хотя статья 8 Тяньцзиньского договора (1858) обязывала китайское правительство не только «не преследовать своих подданных за исполнение обязанностей христианской веры, но и покровительствовать им наравне с теми, которые следуют другим допущенным в государстве верованиям» (28), но, как отмечал советский исследователь Кабанов, принятие православия в XIX в. в глазах китайского начальства было равносильно принятию русского подданства (29). Из общего числа просителей первого периода 46 (53%) указали, что они православные. Большинство приняло православие в течение первых десяти лет пребывания в России. На то, чтобы православный китаец осознал свое желание стать подданным Российской империи, в абсолютном большинстве случаев уходило не более 5 лет (81% - в первом периоде, 89% - во втором). В свидетельствах о крещении иногда отмечалась прежняя конфессиональная принадлежность, в нашем случае упомянуты следующие варианты - язычник, ламаист, буддист, конфуцианец. Однако нужно иметь в виду, что в Китае существовал религиозный синкретизм. Поэтому, какую бы религию ни исповедовал человек, все же культ предков был одним из системообразующих элементов картины мира. Ряд исследователей с этим связывают трудность христианизации китайцев. Человек с рождения оказывался включенным в некую человеческую общность: большую семью, род, клан и ощущал себя ее частью. Его «ближние» - ныне здравствующие, еще не рожденные и уже умершие - составляли тело рода. Со всеми просьбами обращались к предкам, каждая семья поклонялась собственным предкам. Мертвые заботились о живых, а живые о мертвых, и оба эти мира находились в постоянном общении. Таким образом, принадлежность к семье являлась более фундаментальным качеством, чем любовь к родителям, она обеспечивала включение в цепь смертей и рождений, определявших место человека

в потоке бытия, здесь реализовывались ценности, которые придавали смысл жизни.

Принимая православие, человек порывал с этой общностью и переходил в другую – «народ православный». Нам представляется, что и та, и другая в рамках своей традиции являлась, в конечном итоге, смыслопорождающей.

Другим немаловажным результатом крещения являлась смена имени – «прежний человек» символически умирал и появлялся новый. Однако именно фамилия семьи была краеугольным камнем социальной стратификации в Китае. В связи с этим в китайской культуре родовое имя было священным понятием: фамильные знаки (син) традиционно символизировали непрерывность родства и олицетворяли бессмертие рода на уровне семьи. Ни при каких обстоятельствах фамильное имя не могло быть изменено, если только носителя не изгоняли из семьи или клана, поэтому смена фамильного знака была равносильна отказу от предков и отсечению себя от рода (30).

Для прошений, поданных в XIX в., характерна, за редким исключением, утрата китайской фамилии при принятии православия и российского подданства. Крестившийся получал русскую, которая давалась по восприемнику (крестному отцу), отчество также, как правило, присваивали по восприемнику, а имя по святым. Среди крестных встречаются люди разных сословий – казаки, крестьяне, купцы, священники, однако наибольшее число купцов и священников. В XX в. ситуация изменяется – получая русские имя и отчество, абсолютное большинство сохраняло китайские фамилии.

Из 87 проанализированных заявлений XIX в. нам известно семейное положение 35 просителей: на русских или православных был женат 21 чел., 3 женаты неизвестно на ком, 3 – на китайках, 8 чел. были холостяками. По прошениям, поданным в 1913-1916 гг., складывается следующая картина. Из 43 человек, чье семейное положение нам известно, 12 человек были женаты на казачках, крестьянках, мещанках, 4 на китайках, 27 оставались холостяками. Для полноценного анализа социального состава женщин, вышедших замуж за китайцев, не хватает собранных данных, но на основе имеющихся можно предположить, что в основном это – дочери казаков и крестьян. Более половины семей имели детей. По законам Российской империи женщина, вышедшая замуж за иностранца, и их дети считались иностранными подданными (статьи 1023, 1026, 1027) (31). Нередко именно для того, чтобы ликвидировать столь двусмысленное положение, глава семьи и подавал прошение о принятии в русское подданство.

Часть просителей отмечала, что давно покинула родину, утратив

всякую связь с родными, привыкла к условиям русской жизни и хотела бы остаться здесь навсегда, при этом некоторые особо отмечали, что носят русское платье и прическу. При всей кажущейся незначительности последнего пункта хотелось бы остановиться на этом подробнее. Изменение внешнего облика рассматривалось как первый шаг к вычеркиванию человека из традиционного социума. Поэтому в числе первых требований русской власти - отказ от национальной одежды и прически. На некоторых прошениях XIX в. сохранились резолюции: «Узнать - носят ли национальную одежду и косу?». В XX в. этот вопрос выделен в отдельную строку в официальном документе - сведениях, которые собирались на каждого кандидата в русские подданные. Однако русские власти были неоригинальны в своем стремлении изменить внешний облик в соответствии со своими представлениями, стерева национальные особенности, наглядно явленные в национальном костюме. Сходные меры приняли и маньчжуры после завоевания Китая. В 1759 г. в Китае были изданы законы, устанавливавшие формы мужской и женской одежды. Разумеется, наибольшему маньчжурскому влиянию подверглись костюмы аристократов и чиновников, однако постепенно это влияние стало распространяться на костюмы всех слоев общества. Кроме того, все без исключения китайцы в знак покорности маньчжурскому императору были обязаны волосы на темени заплетать в косу (бянь). Китайцу без всякого разсуждения отрубали голову, если он отказывался носить косу. Со временем эта прическа стала традиционной, коса считалась гордостью и украшением любого «сына Неба» и, чем она была толще, тем счастливее считался ее обладатель (32). Коса была показателем принадлежности к «цивилизированному миру», Смит отмечал, что у китайцев в недавнем прошлом всякий человек без косы считался варваром (33). Для первого периода характерна психологическая сложность отказа от кос и национальной одежды, что наглядно продемонстрировал случай с Тифонтаем. Тифонтай, крупный купец, очень состоятельный человек, «... еще при бароне Корфе ходатайствовал о принятии его в русское подданство, но ходатайству не было дано хода, так как просителю объяснили, что он должен отрезать косу, кроме этого предъявлялось тогда обязательное требование крещения и женитьбы на русской. Не в силах расстаться с косой, Тифонтай отказался от своего ходатайства. С приездом Духовского ходатайство Тифонтая было улажено (34). Трепетное отношение китайцев к своей косе зафиксировал и Шрейдер. Интересно, что следующее поколение китайцев, подававших прошения о принятии в подданство в 1913-1916 гг., в абсолютном большинстве не носило национальной одежды и прически.

Особенностью второго периода является появление прошений от китайцев, усыновленных русскими и выросших в русских семьях.

В целом мы можем констатировать, что доминирующей стратегией адаптации китайцев на русском Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. было воспроизводство замкнутой эмигрантской общины, а не вхождение в принимающий социум. В условиях Приамурья XIX – начала XX в. преобладали институциональные и групповые взаимодействия (предметно-функциональные связи), а не эмоционально-личностные, что способствовало сохранению значительной культурной дистанции, затрудняло протекание процессов аккультурации на личностном уровне и в конечном итоге препятствовало реализации стратегии адаптации второго типа.

1. История Дальнего Востока СССР. М.: Наука, 1991. Т.2. С.223.
2. Бирюков В.И. Китайцы в США и американо-китайские отношения на современном этапе. М.: Наука, 1983. С.10.
3. Общая характеристика Енбэнской корейской национальной автономной области. Краткий письменный портрет. Енгиль, 1984 // Цит. по Нам С.Г. Российские корейцы: история и культура. М.: Изд-во Института востоковедения РАН, 1988. С.25; Чжан Гэньфу. О роли переселения колонистов в укреплении приграничных районов Китая в Новое время // Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Серия 10. Китаеведение. М., 1998. №3. С.114-121.
4. Известия ИРГО. 1871. Т.7. СПб., 1872. С.410-411; Алябьев А.А. Далекая окраина: Уссурийский край. СПб., 1872; Будищев А.Ф. Описание лесов части Приморской области // Западно-Сибирское отделение ИРГО. Кн. 9 и 10. Иркутск, 1867. С.122.
5. Непомнин О.Е. Податное и частновладельческое крестьянство Китая на рубеже 19-20 вв. // Социальные организации в Китае. М.: Наука, 1981. С.112.
6. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914. С.48.
7. Шренк Л. Об инородцах Амурского края. Т.1. СПб., 1883. С.69.
8. Палладий. Уссурийские маньчжы // Известия ИРГО, 1871. Т.7. СПб., 1872. С.372.
9. Бурачек Е.С. Воспоминания заамурского моряка // Е.С. Бурачек, В.В. Бурачек. Воспоминания заамурского моряка. До и после Владивостока. Владивосток: Приморское краевое отделение РГО-ОИАК, 1999. С.82.
10. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае... С.167-176; Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861-1917 гг.). М.: Наука, 1989.
11. РГИА ДВ. Ф.701. Оп.1. Д.55. Л.139-140.
12. Нестерова Е.И. Управление китайским населением в Приамурском генерал-губернаторстве (1884-1897 гг.) // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2000. № 2. С.44-48.
13. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.3. Д.304. Л.70.
14. АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп.487. Д.759. Л.44.
15. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.3. Д.190. Л.53-54.
16. Лайнгер С. Р. Из истории китайского эмиграционного движения середины XIX -

- начала XX веков. Дис. ... к.и.н. М., 1975. С.165-166.
17. Там же. С.172.
  18. Эволюция представлений о международных отношениях в Цинской империи (1644 –1912) // Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки. Серия 10 (Китаеведение). М.,1999. № 3. С.102.
  19. Там же. С.104.
  20. Мясников В.С. Межгосударственные отношения России с Китаем как форма межцивилизационного контакта // Цивилизации и культуры. Вып.2. М.: Институт востоковедения РАН, 1995. С.222.
  21. Новгородская Н.Ю. Становление и модификации дипломатического стереотипа русского государства в империи Цин в 17 - середине 19 века. Дис. ... к.и.н. М., 1987. С.18.
  22. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае... С.162.
  23. АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп.487 (1886 -1904 гг.). Д.751. Л.108.
  24. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.94, 283, 381; Ф.704. Оп.1. Д.584, 586, 594, 607, 609, 611, 613, 615, 638,640, 641, 642, 676, 677, 678, 698, 699, 732, 733, 751, 765, 767, 814, 815; Оп.4. Д.386, 528.
  25. РГИА ДВ. Ф.1. Оп.12. Д.754; Ф.702. Оп.1. Д.381; Ф.704. Оп.1. Д.644, 668, 859, 1008, 1076, 1078, 1094.
  26. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.283. Л.2об.
  27. РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.158. Л.6.
  28. Русско-китайские отношения 1689-1916. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С.33.
  29. Кабанов П.П. Амурский вопрос. Благовещенск: Амурское книжное изд-во, 1959. С.235.
  30. Политика и социолитвистика: изменения в выборе имен // Реферативный журнал. Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер.10. Китаеведение. № 3. М.,1998. С.88-95.
  31. Свод законов Российской империи. СПб., 1876. Т.9. С.213-214.
  32. Смит В.М. Характеристики китайцев. Владивосток: Типография «Далекая окраина», 1916. С.44.
  33. Там же. С.7.
  34. Граев В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье // Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып.11. СПб., 1912. С.212- 213.

Summary

The article by E.I. Nesterova makes an attempt to examine two main adaptation strategies of Chinese migrants at the territory of Russian Primorye province in late XIX - early XX c. On author's view, the most frequent variant was connected to establishing of closed mono-ethnic communities at the new territory. The other strategy meant entering the receiving socium by accepting of Russian citizenship, this strategy did not become dominated in the researched period by range of reasons.